

УДК: 94(574)

1921-1923 ЖЖ. АШАРШЫЛЫҚ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ АҚМОЛА ГУБЕРНИЯСЫНЫҢ ҚАЗАҚ КӨШПЕЛІ ХАЛҚЫ: ӨМІР СҮРУ СТРАТЕГИЯЛАРЫ*

Каженова Гүлнар Төлегенқызы¹

Карсакова Гүлмира Болатқызы²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ.

²Ш.Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау қ.

gkazhenova@gmail.com, Ist-kaz2020@mail.ru

Андатпа: Мақалада 1921-1923 жылдардағы ашаршылық кезіндегі Ақмола губерниясындағы қазақ көшпелі халқының жағдайы қарастырылады. Архив материалдары негізінде өмір сүру стратегиялары айқындалады: үдере көшу, азық іздеу, төтенше тұтыну түрлері және қауымшылдық көмек. Бұл шаралар дағдарыс салдарын тек ішінара жеңілдеткені көрсетіледі.

Түйін сөздер: Ақмола губерниясы, қазақтың көшпелі халқы, өмір сүру стратегиялары, көшпелі шаруашылық, азамат соғысы, қауымшылдық көмек, ашыққандарға көмек комиссиялары.

КАЗАХСКОЕ КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ АКМОЛИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА 1921-1923 ГГ.: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Каженова Гульнар Тулегеновна, Карсакова Гулмира Болатовна

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана

²Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, г. Кокшетау

gkazhenova@gmail.com, Ist-kaz2020@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается положение казахского кочевого населения Акмолинской губернии в условиях голода 1921-1923 гг. На основе архивных материалов выделены основные стратегии выживания: откочевки, поиски продовольствия, чрезвычайные формы питания и внутриобщинная помощь. Сделан вывод, что эти меры лишь частично смягчали последствия кризиса.

Ключевые слова: Акмолинская губерния, казахское кочевое население, стратегии выживания, кочевое хозяйство, гражданская война, внутриобщинная помощь, комиссии помощи голодающим.

THE KAZAKH NOMADIC POPULATION OF AKMOLA PROVINCE UNDER THE CONDITIONS OF THE 1921-1923 FAMINE: SURVIVAL STRATEGIES*

Kazhenova Gulnar Tulegenovna¹

Karsakova Gulmira Bolatovna²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana

²Sh.Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau

gkazhenova@gmail.com, Ist-kaz2020@mail.ru

Abstract: The article examines the situation of the Kazakh nomadic population of Akmola province during the famine of 1921-1923. Based on archival materials, it identifies the

main survival strategies: migration in search of food, emergency consumption practices, and intra-communal support. It concludes that these measures only partially mitigated the effects of the crisis.

Keywords: Akmola province, Kazakh nomadic population, survival strategies, nomadic economy, Civil War, intra-communal assistance, famine relief commissions.

***Работа выполнена в рамках реализации проекта грантового финансирования МНВО РК на тему «Казахское кочевое население Степного края в годы гражданского противостояния (1918-1921 гг.): стратегии выживания» (ИРН № AP26103039).**

Голод 1921-1923 гг. в Акмолинской губернии стал для казахского кочевого населения не просто эпизодом нехватки продовольствия, а кризисом всего хозяйственного уклада. Для кочевого общества потеря скота означала не только уменьшение запасов мяса и молочных продуктов, но и разрушение самой системы сезонной мобильности, обмена и хозяйственного воспроизводства. Поэтому применительно к казахскому аулу голод следует рассматривать как итог накопившихся за годы гражданского противостояния разорения, насильственных изъятий и природных бедствий, а стратегии выживания – как вынужденную перестройку повседневной жизни в условиях распада традиционного хозяйственного комплекса.

Архивные материалы показывают, что катастрофа вызревала постепенно. В отчете Акмолгубкомпомгола подчеркивалось, что разрушение гужевого транспорта в деревнях, нехватка кормов и массовый падеж скота уже к 1921 г. резко ухудшили положение населения. В том же обзоре положения губернии отмечалось, что по 10%-ной переписи 1922 г. население губернии сократилось по сравнению с 1920 г. на 17 %, число хозяйств уменьшилось с 200 746 до 175 245, а наличие рабочего скота – на 43,1 %; в 1922 г. насчитывалось 69 015 кочевых хозяйств [1, л. 50, 59]. Это позволяет заключить, что к началу массового голода казахские хозяйства уже находились в состоянии глубокого материального истощения.

Хозяйственный надлом сопровождался ограничением традиционных механизмов маневра. Уже с июля–августа 1921 г. население Кокчетавского уезда десятками хозяйств переселялось в соседние уезды, а также в Семиречье и на Украину. Но одновременно власть стремилась контролировать эти передвижения: на дорогах выставлялись заградительные посты, а хлеб, везшийся к месту жительства, изымался [2, л. 73–74]. Это показывает, что мобильность, обычно служившая способом адаптации степного хозяйства, в условиях кризиса сама становилась фактором риска.

Особенность делопроизводственных материалов комиссии помощи голодающим состоит в том, что они постоянно подчеркивают неполноту учета именно по киргизским, то есть казахским, волостям. В докладе Кокчетавской уездной комиссии от 10 января 1922 г. указывалось 128 304 голодающих лишь по сведениям из 60 волостей, тогда как данные от 28 волостей, «в особенности от киргизских», не поступили. В феврале в уезде

уже регистрировалось 160 тыс. голодающих [3, л. 18, 20], а весной 1922 г. их число предположительно превышало 300 тыс. человек. В Атбасарском уезде на январь 1922 г. было учтено 29 524 голодающих, из них 17 240 человек местного населения, но сведения от удаленного киргизского населения также оставались неполными [4, л. 56; 3, л. 35]. Следовательно, даже впечатляющие цифры официального учета отражают не максимум, а нижнюю границу бедствия.

Наиболее выразительно кризис казахского аула передан в сообщениях волисполкомов Петропавловского и Кокчетавского уездов, использованных М. Жумабаевым в статье «Голод в Сары-Арке». Именалинский волисполком сообщал, что после джута скот сократился на 70 %, люди «пухнут и умирают», а с ноября по май было зарегистрировано 270 случаев голодной смерти; Сарнайгырский волисполком фиксировал 72 случая смерти за январь–май, рост скотокрадства и продолжавшуюся гибель скота после апрельской ледяной бури [5, с. 2]. Для западных волостей Атбасарского уезда документы дают не менее страшные описания: местные жители, при отсутствии хлеба и других продуктов, питались трупами павших животных и кожей. В другом докладе укомпомгола положение характеризовалось еще резче: люди ели кожу, кости, падаль, курай и жмых, а в ряде волостей был съеден весь рабочий скот [3, л. 35; 4, л. 56 об.].

Источники не оставляют сомнений в том, что казахское население переживало не локальный недород, а всесторонний распад жизненных ресурсов. Вместе с тем архивные материалы позволяют увидеть не только масштабы бедствия, но и основные способы, посредством которых население пыталось выжить в условиях кризиса.

Первая стратегия состояла в перемещении: откочевке, переселении в соседние районы, поиске хлебных пунктов и обменных возможностей. В Кокчетавском уезде уже с июля-августа 1921 г. десятки хозяйств переселялись в Акмолинский и Атбасарский уезды, а также в Семиречье и на Украину; однако одновременно на путях движения выставлялись заградительные посты, а хлеб, добытый обменом и везшийся к месту жительства, подлежал изъятию [2, л. 73-74]. В заявлении делегатов Атбасарского и Кокчетавского уездов от 3 октября 1922 г. подчеркивалось, что в наиболее пострадавших районах Атбасарского уезда – Приишимском, Средне-Аргинском, Баганалинском и Красивом – население оказалось в крайне бедственном положении, а в ряде районов Кокчетавского уезда хлебных запасов не имелось и приобрести их было негде [1, л. 3]. В этих условиях мобильность, обычно служившая одним из главных способов приспособления степного хозяйства к неблагоприятной среде, уже не обеспечивала устойчивости, а лишь временно отсрочивала голод.

Вторая стратегия была связана с чрезвычайной перестройкой повседневного потребления. Документы из Атбасарского уезда фиксируют, что при отсутствии хлеба и других продуктов местные жители питались трупами павших животных и кожей; по официальным данным уездздрава,

более 50 % заболеваний приходилось на болезни «на почве голода» [3, л. 35]. В другом докладе укомпомгола сообщалось, что в наиболее пострадавших волостях люди ели кожу, кости, падаль, курай, жмых и даже глину, а в ряде мест был съеден весь рабочий скот. Схожие свидетельства поступали и из Кокчетавского уезда, где, по сведениям губернской комиссии, население уже питалось падалью и различными суррогатами [4, л. 56 об., 12]. Подобные действия нельзя считать адаптацией в обычном смысле; это были крайние меры физического выживания, возникавшие тогда, когда обычные формы кочевого самообеспечения уже не действовали. Одновременно источники фиксировали скотокрадство как один из симптомов распада хозяйственной базы аула [5, с. 2].

Третья стратегия имела внутриобщинный и перераспределительный характер. Наряду с государственной помощью предпринимались попытки мобилизовать внутренние ресурсы самих казахских волостей. В телеграмме губернской комиссии прямо указывалось, что с киргизских волостей продналог снят и следует развивать сбор пожертвований. В июне 1922 г. мухтасиб Г. Айтхожин сообщал, что в пяти кирволостях – Аксаринской, Котуркульской, Восточной, Джеварской и Коксенгирской – было собрано 17 голов крупного скота, 16 баранов, 92 единицы кожсырья и другие продукты. На уездном пленуме также подчеркивалось, что командированные мухтасибы и муллы собирали скот, мясо и вещи, хотя одновременно отмечались слабая постановка работы в кирнаселении и злоупотребления при распределении собранного [4, л. 10, 110, 103].

Еще одной стратегией становилось коллективное давление на власть с целью ослабления налоговой нагрузки. В мае 1922 г. был утвержден проект натурального обложения со скота, по которому хозяйства, имевшие от 1 до 3 голов, полностью освобождались от налога, а дальнейшее обложение строилось по возрастающей шкале. На уездном уровне собранный в Кокчетавском, Атбасарском и Петропавловском уездах скот разрешалось использовать на нужды местных голодающих, что придавало этой помощи отчетливо перераспределительный характер [4, л. 15, 22]. Само принятие подобных решений показывает, что власти были вынуждены считаться с фактом массового разорения кочевого населения. Однако помощь и послабления вводились уже тогда, когда значительная часть хозяйств успела пройти черту необратимой утраты.

Материалы по Акмолинской губернии позволяют рассматривать голод 1921–1923 гг. как особую форму социально-экономического надлома казахского кочевого общества, завершившего кризис гражданской войны. Главным содержанием бедствия была не только нехватка хлеба, но и разрушение скотоводческой базы, подрыв мобильности и сужение пространства для хозяйственного маневра. В этих условиях стратегии выживания включали откочевки и поиски хлебных районов, чрезвычайные формы питания, прикрепление наиболее нуждающихся к более состоятельным хозяйствам, мобилизацию внутриобщинной помощи через

волостные и религиозные структуры, а также постоянные обращения к власти с требованием смягчить фискальное давление и расширить доступ к продовольствию. Однако все эти меры имели ограниченный эффект. Они позволяли ослабить удар голода на отдельных участках, но не устраняли структурных причин кризиса, сформировавшихся в годы гражданского противостояния и политики «военного коммунизма».

Система помощи голодающим в Акмолинской губернии складывалась медленно и противоречиво. Хотя губернская комиссия была создана уже в августе 1921 г., центр долго не признавал губернию голодающей, и часть местных ресурсов продолжала уходить во внешние районы. Только после признания Петропавловского, Кокчетавского и двух районов Атбасарского уезда нуждающимися в помощи стало возможно шире направлять собранные средства на местное население. К этому времени в городах губернии действовало 19 столовых, а в Кокчетавском уезде – 30 питательных пунктов, однако из-за нехватки продовольствия и денег помощь оставалась явно недостаточной [6, л. 50-55].

Даже после прохождения острого пика голода его последствия продолжали сказываться. По неполным сведениям, на 1 февраля 1923 г. в Акмолинской губернии числилось 24 203 голодающих. Основная их часть приходилась на Петропавловский (11 519 чел.), Кокчетавский (7 389 чел.) и Атбасарский (3 673 чел.) уезды. В примечании к сводке специально оговаривалось, что сведения являются неполными, поскольку укомпоследголы не успели получить данные от всех волостей своих уездов [7, л. 50, 56]. Следовательно, кризис 1921 г. нельзя сводить к кратковременному эпизоду. Для казахского кочевого общества он затянулся по меньшей мере на следующий хозяйственный цикл, продолжая определять возможности весенних перекочевков, восстановления стада и внутреннего перераспределения ресурсов.

Литература.

1. Центральный государственный архив республики Казахстан. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 19.
2. Северо-Казахстанский государственный архив. Ф. 55. Оп. 1. Д. 28.
3. Северо-Казахстанский государственный архив. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 1.
4. Северо-Казахстанский государственный архив. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 4.
5. Жумабаев М. Голод в Сары-Арке // Мир труда. 1922. № 30 (667).
6. Северо-Казахстанский государственный архив. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 19.
7. Северо-Казахстанский государственный архив. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 2.

УДК: 94(574)

«1940-1990 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ СОЛТҮСТІК АЙМАҒЫНДАҒЫ БІЛІМ БЕРУДІҢ ДАМУЫ»

**Бексеитова Ақбота Тастанбековна, Байлина Аиым Байбатыровна, Шукеева
Айнур Таласбековна**

Ш.Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау қ.